

Р4-1448581

Карельский научный центр
Академии наук СССР

Е.И.МАРКОВА

ЭЛЕМЕНТЫ ФИННО-УГОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ
НИКОЛАЯ КЛЮЕВА

НАЧЕРЫ ДОКУМЕНТЫ

ПРЕПРИНТ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

E.I. МАРКОВА

ЭЛЕМЕНТЫ ФИННО-УГОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ
НИКОЛАЯ КЛЮЕВА

Препринт доклада на заседании
Ученого совета Института языка,
литературы и истории

(C) Карельский научный центр РАН, 1991

Большой русский поэт Николай Клюев родился на древней вепсской земле в деревне Коштуги Вытегорского уезда Олонецкой губернии. К моменту первой всеобщей переписи Российской империи 1897 г. (Клюеву в то время исполнилось 13 лет) Коштугская волость настолько обруслена, что из 300 человек, считающих себя вепсами, только пятеро указали в качестве родного языка вепсский¹.

Однако финно-угорская культура даже в полностью обрусленных районах Европейского Севера не исчезла, а "вашла в состав" (М.Цветаева) северорусской культуры в качестве ее обязательного компонента.

Цель данной работы - выявить "финно-угорский субстрат" и определить его значение в художественной системе Н.Клюева. Под этим углом зрения творчество поэта рассматривается впервые.

Уже в первых стихах Клюев воссоздает образ родной северной земли, которую наряду с русскими обживают финно-угорские народы. Но присутствие последних почти не отмечалось в его произведениях. В образах северного края поэт передавал общее "зимнее" состояние мира и души человека, что полностью соответствовало неоромантическому канону.

Чем дальше Клюев уходил от учителей-символистов, тем сильнее ощущал себя крестьянским поэтом и тем подробнее воспроизводил в стихах элементы традиционной северорусской

---

¹ Покровская И.П. Население Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 20.

культуры.

Первая мировая война усиливает "национал-крестьянское" самосознание поэта. В его художественном мире войну России и Германии олицетворяет столкновение двух культур: Востока и Запада, природы и цивилизации, деревни и города.

В 1916 г. в книге "Мирские думы" появляется образ "Старища По прозванию Сто племен в Едином"², воплощающего российский дух. Здесь же Клюев впервые проводит поэтическую перепись населения: называет российские племена и имея на их земель. Поэт не смешивал племена, о каждом финно-угорском народе он имел точное представление, что, кстати, отмечено, в поэме "Погорельщина":

На Лопский погост (лопари, а не чуль)
Укажут куницы да рябчики путь...³

Вместе с русскими мужиками собираются "постоять за крещенную землю" (I,227) карелы и лопь. (Современных саамов называли раньше лопарями, лапландцами, лопью. Все три имени народа присутствуют в творчестве поэта. Называют себя так и отдельные группы карелов.)

Упоминает он в "Мирских думах" имя исчезнувшего финно-угорского племени "чуль". По свидетельству лингвистов, память о нем сохранили ойконимы Европейского Севера: так в Череповецком районе находится деревня Верхние Чуди, в Белозерском крае - Чудиново, Задние Чуди и Средние Чуди⁴.

Судя по контексту "Вопрошали Лазаря Лешане, Каргополы Чуль и Пудожане" (I,227), у Клюева речь идет не о самом племени, а о русских или вепсах, проживающих на месте бывших поселений чуши. (Отдельные группы вепсов называли себя в то время "чулью".) Никто и ничто бесследно не исчезает:

² Клюев Николай. Мирские думы//Песнослов. В 2-х т. Пг., 1919. Т. I. С. 256. Далее цитирую по этому изданию, указывая в тексте в скобках номер тома римской цифрой, номер страницы - арабской.

³ Клюев Н. Погорельщина//Песнослов. Петрозаводск, 1990. С. 195. Далее цитирую по этому изданию, указывая в тексте в скобках страницу.

⁴ Ященко А.И. Названия населенных мест Вологодской области как памятники культуры//Культура Русского Севера. Традиции и современность (материалы к конференции). Череповец, 1990. С. 43; Тихомирова Н.П. Топонимия Белозерского края и его история//Там же. С. 46.

все оставляет о себе память.

По мнению поэта, прошлое активно участвует в современной жизни. Воскресить его помогают топонимы. Будучи микропамятниками культуры, они несут знание "языка земли", хранят "память земли".

На Олон реку, на Секир гору
Сходилася нища братия.-
Как Верижники с Палеострова,
Возгорельщики с Красной Ягремы,
Солодянки с речки Андомы,
Крестоперстники с Нижней Кудамы ... (I, 236-237)

Здесь, за исключением побережья Олонки, жили в основном русские. На борьбу с недругом будто встают не только люди, но и земли, и реки, названия которых хранят память о финно-угорских народах.

В одном лесу у Клюева обитают славянские и финно-угорские духи.

Тысчу лет живет Макоша-Морок,
След крадет, силки за хвоей ставит.
Уловляет души человечьи,
Тысчу лет и Лембэй пущей правит,
Осендину-дань сбирая с твари:
С зайца шерсть, буланый пух с лешуги,
А с осины пригорюю алтынов ... (I, 255)

Макоша-Морок является трансформацией злого духа славянской мифологии Мары и восточно-славянской богини Мокоши. Лембэй (Лембо, Лемпо) или Хийси⁵ в прибалтийско-финской мифологии - лесной дух, великан, черт. Макоша-Морок следит за людьми, Лембэй - за всем остальным лесным миром.

В "Мирских думах" представлены также образы христианской культуры: Пречистый Спас, апостол Петр, Пятенка-дева (святая Параскева-Пятница), ангель.

Весь этот мир: люди и звери, лесные духи и святые -

---

⁵Н.Клюев выбирает вепсский вариант имени лесного духа.

участвует в символической сцене омовения. В бане, непременным атрибуте русской и финно-угорской культуры, происходит очищение российской земли от нечисти.

Черпнул старик воды из Камы,
Черпнул с Онеги ледовитой,
И, дополнив ковш водой из Дона,
Три реки на каменку опружил.
Зашипели Угорские плиты,
Взмыли пар Уральские граниты,
Валуны Валдая, Волжский щебень
Навостили зубья, словно гребень,
И как ельник, как под морем скалы,
Из-под камней сто племен восстало... (I, 256-257)

Присутствие в произведениях знаков российских культур (в том числе и финно-угорской) работает в художественной системе Клюева на идею жизнеспособности Востока.

Революцию поэт воспринял как символ крестьянского возрождения. В новую эпоху Клюев создает в своем творчестве образ "родного мужицкого поэта"⁶, с которым читатель знакомится не только по художественным произведениям, но и по автобиографическим материалам, являющимся продолжением "поэтического мифа" поэта⁷. В автобиографии Клюева значимо не фактическое, подтверждаемое документами родство, а ощущение духовной связи с многовековой художественной традицией. "Родовое дерево мое замглено корнем во временах царя Алексея, закудрявлено ветвием в предивных строгановских письмах, в сусальном полыме пещных действ и потешных теремов"⁸.

В стихах указаны не только русские корни поэта. Певец утверждает, что он - "зырянин с душой нумидийской"⁹, "карельский князь" (П, 64), "потомок лапландского князя, Калевалов волхвующий внук" (П, 79). Намекает он на свое бо-

⁶Клюев Николай. Четвертый Рим. Пг., 1922. С. 20.

⁷Азадовский К. Николай Клюев. Путь поэта. Л., 1990. С. 30.

⁸Современные рабоче-крестьянские поэты в образцах и автобиографиях с портретами / Составил П. Я. Заволокин. Иваново-Вознесенск, 1925. С. 248.

⁹Клюев Николай. Четвертый Рим. С. 20.

жественное происхождение и на кровную связь с животным миром.

Новый крестьянский поэт создает Новую Книгу, которая включает в себя память всех культур и продолжается в новом времени¹⁰. Она представляет обобщенный образ Библии, "Илиады", "Голубиной книги", "Калевала", "Песни о Гайавате" и других великих книг.

Клюев считал себя "олонецким Лонгфелло". С данной самохарактеристикой согласны Л.К. Швецова, С.И. Субботин и К.М. Азадовский¹¹. Однако на связь клюевского "эпоса" с "Калевалой" они не указывают.

В XIX в. художественные богатства российского Севера были открыты русскими и финскими собирателями. П.Н.Рыбников и А.Ф.Гильферлинг преследовали научную цель – передать русскому народу эпическое богатство в том виде, в каком его сохранила память сказителей. Э.Леннрот на материале финского и карельского фольклора создал "Калевалу".

"Калевала" стала символом финского возрождения, главной книгой нации. В эпоху американского национального подъема опыт Э.Леннрота учел Г.Лонгфелло.

С надеждой на крестьянское возрождение пишет "Столицую книгу" Клюев. Подобно Леннроту, он свободно обращается с фольклорным материалом. В своем "своде" стихотворений и поэм он стремится включить новое время в эпический диалог с прошлым, восстановить восприятие целостности мира, разрушенное войнами и революциями.

Э.Леннрот был и создателем финского литературного языка. Перед Клюевым стояла другая задача: он восстанавливал в правах крестьянскую речь, воспроизводил утраченные пласти культуры Европейского Севера, вспоминал "язык земли", расшифровывал "немую историю" народных ремесел и промыслов.

¹⁰ Маркова Е. Стихотворный крест//Север. 1989. № 10. С. 106–108.

¹¹ Швецова Л., Субботин С. "Эти гусли – глубь Онега..." (из поэзии Николая Клюева конца 20-х – начала 30-х годов) //Север. 1986. № 9. С. 103; Азадовский К. Указ. соч. С. 327.

Условно-обобщенным названием предметов он противопоставлял конкретику имен. Даже рыбы имеют у него свои имена и "прописки": "Лосось с Ваги, язь из Водлы,/Лещ с Мегры" (214).

В отличие от Э.Лендрота Клюев воссоздал не национальное прошлое, а национальное настоящее, показал, насколько актуализировано в нем прошлое, насколько необходимо прошлое в качестве идеала для построения светлого будущего.

На рождение "Калевалы" XX века поэт указывал не раз:

И ветвятся стихи-кораллы,
Неявленные острова,
Где грядущие Калевалы
Буревые пожнут слова¹².

Карельские руны включены у Клюева в контекст русской культуры: их осваивает былинный певец Садко (что, кстати, соответствовало действительности: в Карелии были двухязычные сказители и сказочники).

В лесах диких грив, звездных рун и вымян
Крылатые боги раскинут свой стан,
По струнным лугам потечет молоко,
И певчей калиткой стукнет Садко.(П, 469)

Текст "Калевалы" хранила сама природа, и автору надо было только разгадать ее письмена.

Слов других храню немало
И познаний, мне известных:
Я нарвал их на тропинке,
Их на вереске сломал я,
Их набрал себе на ветках,
Их собрал себе я в травах...¹³

"Столикая книга" также подарена поэту самой природой:
Улов непомерный на строчек шесты
Развесила пестунья-память:
Зубатку с кораллом, с дельфином треску,
Архангельский говор с халдейским,

¹² Клюев Николай. Львиный хлеб. М., 1922. С. 27.

¹³ Калевала. Карело-финский народный эпос /Собрал и обработал Э.Лендрот. Перевод Л.П.Бельского. Петрозаводск, 1985. С. 38.

И вышла поэма – ферганский базар
Под сенью карельских погостов¹⁴.

У Клюева есть чрезвычайно близкие переклички с ленинградским текстом (конечно, имеется в виду не сам текст, а прекрасный перевод Л.П.Бельского). Интересно обыгран в "Калевале" образ связки (вязанки) стихов.

Насказал мороз мне песен,
И нанес мне песен дождик,
Мне навеял песен ветер,
Принесли морские волны,
Мне слова сложили птицы,
Речи дали мне деревья.
Я в один клубок смотал их,
Их в одну связал я связку,
Положил клубок на санки,
Положил на сани связку...¹⁵

Соответственно у Клюева:

...Бреду я лицом скрытен,
Под ношей варварских стихов.
Когда сложу свою вязанку
Сосновых слов, медвежьих дум? (П, 140)

Или:

Сваю у ворот Судана
Вязанку стихов овinnых, –
Олонецкого баяна
Возлюбят в шатрах пустынных¹⁶.

В поэме "Песнь о Великой Матери" использована калевальская метрика: .."

Эти гусли – глубь Онега,
Плеск волн Палеостровской... (214)

¹⁴ Клюев Николай. Львиный хлеб. С. 90.

¹⁵ Калевала. С. 38.

¹⁶ Клюев Николай. Львиный хлеб. С. 88.

"Калевала" воссоздает более древнюю эпоху, чем "Илиада" и русский былинный эпос."В... архаических карело-финских рунах, которые составили сюжетный стержень "Калевалы", ... большое место занимают очень древние космогонические мифы о первотворении мира ..." ¹⁷

Мотив первотворения присутствует в поэзии Клюева:

Эта девушка в пространствах межпланетных
Родит лирный солнечный народ. (П, 112)

Образ девушки является клюевской параллелью образу дочери воздуха девы Ильматар, ставшей матерью воды и создавшей мысы, заливы, берега, глуби и отмели моря.

В приведенном выше стихотворении не сказано, что девушка создаст мир, но в другом произведении, включающем "калевальский" знак, этот мотив присутствует.

Мы родим моря, золотые утесы,
Где гаги-слова для певцов-Калевал.(П,252)

Уточним: Ильматар рождена именно фантазией Леннирота, в нарцдных рунах этот образ отсутствует. Мир в карело-финском фольклоре создает Вяйнямейнен ¹⁸.

Клюеву импонирует ленниротовский образ. Как и в "Калевале", его девушка тяжело рожает. Дева Ильматар родила вешнего певца Вяйнямейнена, девушка Клюева - "лирный" народ.

Калевальский комплекс включает "эпiku рождений" всех основных элементов мира, что характерно и для творчества Клюева. Мир будто воссоздается из тела человека ¹⁹, которое обряжено в "Сиамских шелков сорочки, / Карельские сапожки" (121).

Создаваемая картина мира представляет движущуюся Вселенную:

¹⁷ Карху Э. "Калевала" и ее народно-поэтическая основа//Калевала. С.9.

¹⁸ Мишин О. Русская "Калевала"//Лен. правда. 1989.

¹⁵ авг.

¹⁹

Полякова С.В. О внешнем и внутреннем портрете в поэзии Н.Клюева (К вопросу об архетипичности поэтического языка)// А.Блок и основные тенденции развития литературы начала XX века. Блоковский сборник.УП. Тарту, 1986 . С. 156.

И раджа на слоне священном
Посетит карельский овин .(108)

Народы стремятся познать друг друга: арабу важно прозреть "Звездную Москву" (П, 202) и не менее важно прозреть "лик Карельских звезд" (П, 201).

В комплексе восточных культур Клюев постоянно выделяет северо- и юго-восточные детали, отмечает их взаимозависимость. В его стихах равноправны знаки культур больших и малых народов.

Главное в каждой культуре - ее крестьянская направленность.

Повыковать плуг - сошники Гималаи,
Чтоб чрево земное до ада вспахать, -
Леха за Олонцем, оглобли в Китае...²⁰

Мечта народов об изобилии застягнута в массе символических образов, в том числе в скатерти-самобранке русских сказок, мельнице Семпо "Калевалы". Символом изобилия у Клюева является "Многоплеменный каравай", который "поделят с братом брат./Литва - с кряжистым Пермяком,/С Ка-релою - Туркмен" (П, 175).

Крестьянство должно иметь своего поэта и вождя. Клюев видит в Ленине народного вождя и посыпает ему в декабре 1921 г. книгу с дарственной надписью: "Ленину от моржовой поморской зари, от ковриги-матери из русского рая красный словесный гостище посыпаю я - Николай Клюев..."²¹

В книге раскрыт смысл формулы "Ленин и Николай Клюев". Это союз крестьянского вождя и крестьянского поэта, союз Воли и Земли. Как уже говорилось, написанная Клюевым родословная уходила своими горнями в глубокую древность. По этому принципу он создает биографию вождя, пишет крестьянскую родословную Ленина, не заботясь о ее соответствии реальным фактам. Если вождь осознает миссию крестьянского спасителя, то сам найдет место в древней цепочке крестьянской генеалогии.

²⁰ Клюев Николай. Львиный хлеб. С. 9.

²¹ Библиотека В.И.Ленина в Москве. Каталог. М., 1961.
С. 497.

В реальной жизни Ленина был только один эпизод, когда ему пришлось выступить в роли крестьянина. Именно в этот момент жизни активизируются финно-угорские контакты вождя.

Как известно, после июльских событий Ленин скрывался на Карельском перешейке, в Разливе и Ялкала, на древней ингерманландской земле. Он выдаст себя за косаря-финна, нанятого рабочим Н. Емельяновым. Живет он в шалаше на озере на острове, косит сено для коровы и пишет книгу. Помимо Н. Емельянова и А. Шотмана, в спасении Ленина и Зиновьева участвовали красные финны Э. Рахья, Г. Ялава, Э. Кальсие, Л. Парвиайнен.

В поэзии Клюева биографии Ленина, народа и поэта идентичны и созданы по одному художественному образу²².

В цикле "Ленин" главным является мотив смерти-рождения. Умирает старая Россия и ее правящая династия, рождается новая Россия и ее вождь.

И въехали гребные drogi

В мертвый романовский дом. (П, 237)

Родителями Ленина названы Вселенская мать и Лев. В то же время сказано, что весь народ зачинает и рождает вождя. "Тело — мир" рождает Ленина, и сам он является частью этого тела:

Ленин — тундровой Руси горячая печень,

Золотые молоки, жесткий крестец... (П, 244)

Чтобы познать природу, вождь сначала обжигает весь мир в качестве солнца, становится "таежно-кедровым раем" (П, 248), принимает образы осетра, оленя, медвежонка и, наконец, выступает в образе своегоtotema-Льва.

В число родственников вождя включены старообрядческий писатель Андрей Денисов, царь Иван III, крестьянский вождь Степан Разин. О его рожденииозвестил голохольный звон Ивана Великого, благословили его эскимосские божества и Будда. Его приветствуют все народы, в их числе поэт не за-

---

²² Маркова Е. Указ. соч. С. 104-105.

бывает называть финно-угров - лопарей, а при упоминании русских - выделить жителей Заонежья и Пудожья (эти районы входят в состав Карелии). Сама книга природы предназначала появление вождя.

На скале задремали руны:

Люди с Естью, Наш, Иже, Ери. (П, 248)

Слово "руны" можно расшифровать двояко: как вырезанные на камне знаки рунического письма, применяемого древнегерманскими и скандинавскими народами для культовых надписей, и как тип старинных карельских, финских, эстонских песен, как тип стихов, из которых сложены "Калевала" и "Калевы-поэт".

Имя Ленина обыгрывается через названия букв древнерусского алфавита. Так вновь смыкаются в единый образ знаки русской и финно-угорской культуры.

В то же время самому вождю сопутствует вещее слово.

Книга "Ленин" - жила болота,

Стихотворной Волги исток. (П, 237)

О рождении поэта в данном цикле не сказано. Об этом Клюев писал в произведениях, предшествующих книге "Ленин" и написанных позднее. Здесь подчеркнута только связь образа поэта с образом медведя.

Медведь - постоянный персонаж клюевских произведений и спутник его "поэтической" биографии. Дед "водил медведей по ярмаркам, на сопели играл..."²³ В памяти Веры Валентиновны Ильиной, хозяйки дома, в котором Клюев нередко бывал, когда жил в Томске, сохранился рассказ о судьбе матери поэта. Якобы она заблудилась в лесу и нечаянно провалилась в берлогу медведя. "Он проснулся, заревел и встал над ней на задние лапы, огромный, стрешний". На крик девушки прибежал уже искашивший ее возлюбленный. Он вонзил нож в сердце медведя. "Тот рухнул, но успел вырвать Ване грудную клетку". И девушка "еще некоторое время випела, как билось его обнаженное сердце"²⁴.

²³ Красная панорама. 1926. № 8 (124). 23 июня. С. 13.

²⁴ Швецова Л., Субботин С. Указ. соч. С. 108.

Этот эпизод Клюев соотносит с реалиями жизни, поэтому здесь намечавшееся родство с медведем не состоялось.

В стихах же медведь не раз выступает в качестве зооморфного тотема.

Культ медведя характерен для многих народов. Финно-угорская мифология сохранила о нем древнейшие представления. В "Калевале", например, воспроизведен "медвежий праздник".

На Русском Севере сохранились следы поклонения языческому "скотлему богу" Велесу. Здесь характерно переплетение культа Велеса с поклонением святому Власию и почитанием медведя как хозяина животных.²⁵

Стихи Клюева "помнят" этот обряд. Поэт предстает перед Лениным как посланец от медведя. Впервые он заявил о себе как посланец от медведя, выступая с чтением своих стихов перед царицей и царевнами. "На подмостках, покрытых малиновым штофом, стоял в грубых мужицких сапогах, в пестря-пинной рубахе, с синим полукафтанцем на плечах - питомец овина, от медведя посол"²⁶.

К.М.Азадовский не нашел документального подтверждения этого факта и отнес его к элементу "поэтического мифа" Клюева.

Важно подчеркнуть, что герой, созданный творческой фантазией Клюева, предстает перед обоими правителями, императрицей всея Руси и вождем Страны Советов в качестве посланца самой природы.

Пришел он к Ленину не просителем, пришел, чтобы заключить необходимый народам России союз, и принес свое вещее слово.

О рождении слова Клюев писал не раз. В цикле "Ленин" об этом сказано так:

В этот миг я сохатую матку доил,
Вижу кровь в молоке, и подойник мой пенен, —
Так рождается слово — биение жил. (П, 245)

Поэт впитывает слово с молоком матери-лосихи.

Его вещее слово, как слово Ленина, борется с ложным сло-

²⁵ Мифологический словарь. М., 1991. С. 420.

²⁶ Азадовский К. Указ. соч. С. 181-182.

вом – Антигнигой: "журнальной мглой" (П, 246), "брюхорным морем" (П, 247), словом газет и стихами Демьяна Вепного.

Цикл стихов о возможном крестьянском спасителе Клюев заканчивает словами надежды:

Я – посол от медведя, он хочет любить,

Стать со Львом песнозвучьем единым. (П, 248)

В цикле "Ленин", разумеется, реализованы многие древние мотивы. На "галевальский комплекс" работает упоминание финно-угорских названий, "эпика рождений", образ вешего певца и образы животных: оленя, лося, медведя. Образ вешего певца и медведя, хозяина леса, есть и в русском фольклоре. Так, в творчестве постоянно взаимопересекаются знаки двух культур.

Мечте Клюева о русском крестьянском рае не суждено было сбыться. В поэмах "Деревня", "Погорельщина", "Разруха" он пишет о гибели многовекового крестьянского уклада в России.

В поэме "Погорельщина" погибающая деревня называется Сиговый Лоб. Название звучит как чисто русское. Однако слово "сиг" чрезвычайно древнего происхождения, оно образовано в результате "междialектного контактирования из языков древнейшего дофинно-угорского и додалтийского населения на севере Европы"²⁷.

Из контекста явствует, что деревня находится в Олонии. Названы деревни и озера этого края: Анлома, Лопский погост, Выг, Онега, Ладога.

Поэма перенасыщена топонимами. Таким образом, автор показывает, что деревня Сиговый Лоб связана многими узами со всей Россией, со всем миром. Он предупреждает: развязется один узелок – порвется вся нитка.

Расположен Сиговый Лоб на берегу озера. "Рыбные" названия характерны для карельских озер, ламбушек, заливов, бухт (Ср.: Ахвенламба – Окуневая ламба, Сяргилахта – залив, где

27

Герд А.С. Из истории прибалтийско-финских названий рыб (*siika*, *siige*, *siinjū*) // Прибалтийско-финское языко-знание. Вопр. лексикологии и лексикографии. Л., 1981. С. 52.

много плотви)²⁸.

В данном случае Клюев имеет в виду, очевидно, не столько обилие сигов в озере, сколько присутствие рыбы-тотема . "...в топонимике севера встречается много названий , обвязанных своим происхождением культовым животным, птицам, рыбам".²⁹

В финно-угорской мифологии губами-тотемами являются лосось, щука и сиг. Поэтому гибель Сигового Лба символизирует исчезновение всей генеалогической цепочки. Гибнет память о русских людях, о народе-абorigене, о тотеме-сиге , из костей которого первопредок сложил первое жилище.

В карельских эпических песнях "девушка, бросившаяся в воду, становится "сестрицей сигам"(здесь подразумевается ее перевоплощение, обусловленное смертью)".³⁰ Этот мотив Клюев реализовал в "Песнях из Заонежья". Цирк является оригинальной стилизацией севернорусских лирических песен, однако в песне "Как по реченьке-реке" использован карельский мотив.

В поэме "Разруха" дан иной вариант перевоплощения в рыбу. Сигом становится мужчина.

Забросил я ресниц мережи
И выловил под ветер свежий
Костлявого, как смерть, сига:
От темени до салога
<Весь изъязвленный> пескарями,
Вскапал он <гноем>, злыми вшами,
Но губы теплили молитву... (226)

В сига обернулась не отвергнутая невеста, а работавший на "беломорском смерть-канале" (227) украинец. Канал несет смерть людям и рыбам. Погубили Опанаса-человека, не может

²⁸ Керт Г., Мамонтова Н. Загадки карельской топонимики. Петрозаводск, 1982. С. 22, 40.

²⁹ Там же. С. 22.

³⁰ Криничная Н.А. К семантике образа девы-лосося в карело-финском эпосе// "Калевала" - памятник мировой культуры : Материалы науч. конф., посвящ. 150-летию первого издания кар.-фин. эпоса. Петрозаводск, 1986. С. 92.

он продолжать жизнь в образе рыбы.

"Отколь, родной? Водицы надо ль?"

И дрогнули прорехи глаз:

"Я ж украинец Опанас..."

Добей Зозулю, чоловиче!.." (227)

Намек на сига есть в поэме "Заозерье", которая рисует образ вечной деревни.

А поп в пестрядинной ризе,
С берестяной бородой,
Плавает в лымке сизой,
Как сиг, как окунь речной. (187)

В стихах Клюева есть вера в будущее воскресение страны. Образ попа-сига является звеном в цепочке образов, символизирующих воскресение России. Православный поп соединился с душой тотема. Божий дух и душа природы соединились в человеке, который олицетворяет прекрасное прошлое страны и напечатано на ее будущее.

Николаю Клюеву не удалось осуществить замысел книги "Карельский пряник"³¹, но в написанных им произведениях воссоздан образ финно-угорских народов Европейского Севера. Знаки финно-угорской культуры присутствуют на уровне построения ключевых и второстепенных образов, сюжетных звеньев и клюевской философии истории.

Для него, как и для Э.Леннрота, миф представляет "священную историю", которая "определяет формы поведения, социальные институты, законы морали,... действенность религиозного ритуала и святость культа"³². Но в отличие от своего выдающегося финского предшественника миф для Клюева олицетворял не только прекрасное прошлое, но до середины 20-х гг. поэт верил в реставрацию "золотого века".

---

³¹ Мульский С. Издательское дело в Олонецко-Карельском крае//Карело-Мурманский край. 1927. № 42. С. 34.

³² Хонко Л. "Калевала" как процесс// "Калевала" - памятник мировой культуры. С. 28.

Елена Ивановна Маркова

ЭЛЕМЕНТЫ ФИННО-УГОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ
НИКОЛАЯ КЛЮЕВА

Печатается по решению Ученого совета
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН

Отв. за выпуск И.Г.Варваровская

Подписано к печати 26.12.91 г. Формат 60x84¹/16.
Ротапринт. Уч.-изд. л. 1,0. Изд. № 52. Заказ № 16
Тираж 200 экз. Цена 10 коп.

Карельский научный центр РАН.
185610. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11. УОП.